

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ ИСИХАСТСКОЙ ДУХОВНОСТИ¹

Святые отцы афонские!

Досточтимые сербские хозяева!

Глубокоуважаемые руководители и организаторы конференции! Дорогие коллеги!

Международные встречи, посвященные Святой Горе Афонской, продолжаются успешно уже три года. Проект развивается: он расширяет круг обсуждаемых предметов, углубляет уровень обсуждений; и, составляя планы этой Белградской встречи, мы решили выдвинуть в качестве одной из центральных тем *современную экологическую проблематику в ее связях с принципами православной духовности и аскезы, а также и непосредственно с афонской традицией*. Сегодня актуальность и острота экологической темы не требуют доказательств. Равновесие и гармония в отношениях человека с миром природы утрачены, как многие полагают, необратимо. Экологические кризисы и конфликты, угрозы и риски экологической ситуации давно уже перешли из разряда локальных и единичных событий в круг перманентных глобальных факторов, определяющих развитие и судьбу планетарной цивилизации. Поэтому поиск и обсуждение путей оздоровления ситуации, прекращения разрушительных процессов ведется усиленно на всех уровнях, от глобального до сугубо местного, и во всех формах, от научных проектов до статей в популярных СМИ. Рассматриваются самые разные стратегии, которые ставят в центр разные измерения и аспекты проблемы – экономические, научно-технологические, социально-политические и т.д. Но можно заметить при этом, что религиозные и духовные стороны экологической проблематики до сих пор получали чрезвычайно малое внимание.

Меж тем, в каждой из мировых религий изначально заложены определенные принципы и нормы отношения человека к природе, к своей окружающей среде – заложены, иными словами, свое понимание экологии и свой подход к решению ее проблем. В христианстве такое понимание выражалось во многих формах – в богословии, литургике, гомилетике, практически воплощалось в жизни Церкви. В православном мире ядром и стержнем духовной жизни признана исихастская аскеза – и здесь, на ее почве, христианские установки по отношению к природе и окружающей среде находили, быть может, наиболее прямое и яркое воплощение. Поэтому в сегодняшней ситуации острого экологического кризиса тема «Аскеза и экология», или же «Исихазм и экология» приобретает важность и актуальность. Надо раскрыть, какие же отношения человека с природным миром культивировались в православном подвижничестве – и, очень возможно, в этих отношениях мы сможем найти новый ценный ресурс для выхода из сложившегося кризиса. Наглядное доказательство этой ценности – опыт Афона: здесь уникальный пример человеческого сообщества, которое сумело достичь гармонического равновесия со своей природной средой, и в течение тысячелетия существует на одной и той же небольшой территории без всякой экспансии и без всяких признаков экологического кризиса.

В прежние времена монашескую и аскетическую традицию часто обвиняли в своего рода эгоизме – в исключительной сосредоточенности на внутреннем мире и личном спасении человека, при полном безразличии и к окружающему обществу, и уж тем более, окружающей природной среде. Но это обвинение основывалось на предвзятости и незнании. На самом деле, в аскетической духовности изначально присутствовали

¹ Доклад на Международной конференции «Афон — уникальное духовное и культурное достояние современного мира» (Белград, 23-26 июня 2013 г.)

совершенно противоположные мотивы и установки по отношению к природному миру и в особенности, ко всем живым созданиям, всем формам жизни. Их яркое выражение дает один текст ранней исихастской литературы, который был необычайно известен на Руси, необычайно влиятелен и любим.

Слово 48-е преп. Исаака Сирина тесно связывает экологическую тему с главными элементами всей исихастской практики. Оно называется «О совершенстве всего поприща», то есть всего христианского пути, и утверждает, что сие совершенство заключается «в трех вещах: в покаянии, в чистоте и в усовершеннии себя». И вот как раскрывается центральная из этих вещей, чистота: «Что такое чистота? Кратко сказать, сердце, милующее всякую тварную природу... И что такое сердце милующее? ... возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них, очи у человека источают слезы, от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умиляется сердце его, и не может он вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных ... ежечасно со слезами приносит молитву... а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию»². — Нельзя не признать, что этот удивительный и столь эмоциональный текст, действительно, заключает в себе цельную установку отношения человека к своей окружающей среде и ко всей природе, и это есть установка безмерной заботы и любви, беспредельного сочувствия, объемлющего молитвой весь круг творения, вплоть до демонов и пресмыкающихся. «Сердце милующее», описанное как «возгорение сердца у человека о всем творении», выступает здесь как особое важное понятие, и мы видим, что на этом понятии далее может строиться экологическая этика. Отдельная молитва о пресмыкающихся – момент также значимый, а не чисто риторический: для Византии и Ближнего Востока пресмыкающиеся, змеи – аналог наших волков, самых вредных животных, и молитва за них – это отношение, соответствующее не антропоцентризму, что вторгается в окружающую среду, а именно экологизму, заботящемуся об ее охране.

В своем содержании и настрое этот текст не изолирован, а вполне типичен для исихастской литературы. В старинных патериках, рассказах из опыта отцов-пустынников, найдем те же экологические мотивы, найдем истории об аввах, что оплакивали смерть птиц, жили в мире и дружбе с дикими зверями. Изобилуют такие истории и в русской монашеской, житийной литературе. И можно с уверенностью сказать, что они доносят не столько некие стилизованные легенды древности, сколько живую реальность исихазма, присущую ему искони и всегда. Известия о русском подвижничестве XV в. включают и не просто «историю», но цельный «Уклад Досифея», свод правил жизни для талавов, жителей Талабского острова на Псковском озере. В этом укладе, составленном, по преданию, преп. Досифеем Верхнеостровским († 8.10.1482) и не один век соблюдавшемся талавами, есть строгие, подробные правила сохранения природной среды, и преп. Досифей по праву был назван в недавней публикации о нем «экологом XV в.». А совсем к недавнему времени и к светской, а не церковной литературе относится рассказ о колоритном обычае, что сложился у русских подвижников Печенгской обители Св. Трифона на Крайнем Севере, в Мурманском заполярье. После долгой полярной ночи, в день первого появления солнца, во дворе обители для встречи светила собирались не только монахи монастыря, но и... полное сообщество из восьми медведей, обитавших в округе. Так описывает это событие настоятель о. Ионафан: «Медведи... лесные звери, вольные... ух и здоровые, как горы! А только они заходят и сюда к нам... Эта скамейка большая, видите там, под стеною... Сидим мы на скамейке все в сборе... ждет братия, как после зимы и ночи солнышко впервые заиграет благодатное... А они, медведи, тоже рядом тут сидят и на небо глядят... Как только солнце выглянет из-за горы, мы молитву

² Авва Исаак Сирин. Слова подвижнические. М., 1993. С.205-206.

поем... А медведи тоже бурлыкать зачнут: и мы, мол, солнцу рады. Хотя и звери, а понимают»³.

В итоге, исихастский принцип чистоты пути, чистоты сердца в одном из важных своих аспектов оказывается экологическим принципом; а в древнем аскетическом тексте мы неожиданно обнаруживаем подлинный *манифест православного экологизма*, выпущенный почти за полтора тысячелетия до появления экологического движения в секуляризованном мире.

Судьба манифеста тесно связана и с Афоном, и с Россией. В 1389 г., в эпоху Исихастского возрождения, в Великой Лавре на Афоне инок Гавриил, он же будущий митрополит Григорий Цамблак, духовный писатель, поборник исихазма на Балканах, исполнил сербскую рукопись «Слов» Исаака Сирина. Там она и пребывала, пока в 19 в. не была доставлена в Россию, в Оптину Пустынь, архимандритом Леонидом (Кавелиным). Здесь, в Оптиной, на ее основе вскоре следует русское издание «Слов» – и тема «сердца милующего», тема православного экологизма, получает известность и начинает жизнь в русской культуре, где она близка особенно Достоевскому и его «Братьям Карамазовым», которые всецело проникнуты оптинским и исихастским духом. На Афоне же эта жизнь никогда не прерывалась. Выраженное у преп. Исаака отношение к окружающей среде, ко всей твари для Афона искони было знакомым и обычным, и на Святой Горе знают поныне иноков, которые милуют змей и никогда не лишили жизни ни единой. Новые грани, новое и глубокое развитие православный экологизм получает у нашего современника св. старца Силуана Афонского. Особенно в поздние годы жизни старца, его подвиг, его молитвенное служение истово сосредоточены на участии всей твари, всего мира. В этот период у старца вырабатываются особые формы молитвы обо всем мире. В такой молитве, как пишет его ученик игумен Софроний (Сахаров), «сердце живет страданием мира... душа в Духе Святом «видит» весь мир и объемлет его своей любовью»⁴. Человек поднимается здесь до состояния, которое сам старец назвал однажды «сердечной болезнью за всю вселенную». Отношение к природе и миру, соответствующее подобной духовной стихии, безусловно, включает в себя и экологическую установку внимательного сбережения окружающей среды – но ясно, что оно и превосходит эту установку, вбирая экологические задания в гораздо более широкий контекст, космический и духовный: контекст спасения и преображения всего тварного бытия любовью Христовой.

Итак, мы обнаруживаем, что в православно-аскетической духовности не только имеется некое отношение к проблемам окружающей среды, но есть также и нечто большее: есть свое цельное понимание этих проблем, самостоятельная постановка всей экологической темы, связующая ее с целью христианской жизни, восхождением к обожению. Чтобы понять эту постановку, следует обратить, прежде всего, внимание на внутреннее родство самих концептов «аскеза» и «экология», их близость по смысловому содержанию. Действительно, экология не просто изучает отношения организмов и их сообществ с окружающей средой, она ставит цели и предлагает стратегии достижения гармонии в этих отношениях, достижения порядка и лада, устранения вредных и опасных явлений. Что же касается аскезы, то она обращается к внутреннему миру человека и также хочет достичь в нем определенного порядка и лада, гармонического устройства, и для этого стремится искоренить определенные вредоносные явления, страсти. Таким образом, два явления оказываются родственными и подобными. *Аскеза может, если угодно, рассматриваться как экология души, экология внутреннего мира, тогда как экология, в свою очередь, может рассматриваться как аскеза по отношению к природе, внешнему миру.* Принцип экологического равновесия в природном мире можно

³ Константин Коровин вспоминает... Сост. И.С.Зильберштейн, В.А.Самков. М., 1990. С.289-290.

⁴ Иером. Софроний. Старец Силуан. Жизнь и поучения. М., 1991. С. 47, 93.

соотносить с принципом сосредоточенного покоя, исихии в мире внутреннем; и экология также стремится проводить в отношении человека к природе еще один аскетический принцип, воздержание.

Смысл и значение этого глубокого сходства можно, однако, понять вполне лишь при учете различия двух явлений. Оно не менее глубоко. Задачи экологии относятся целиком к эмпирическому, материальному миру, к его сбережению и поддержанию его благополучного существования, тогда как аскеза ставит цели духовного восхождения – восхождения к обожению, на высших ступенях которого появляются уже зачатки «превосхождения естества», изменения самого способа бытия человека. Тем самым, они различны по самой своей природе и сути. Аскеза – не просто «внутренняя экология», но, что более важно, «онтологическая» или «трансцендентная» экология, и ее задачи – не просто покойно-гармоническое устройство внутреннего мира и всего человеческого существа, но их возведение к иному, божественному образу бытия. И потому, как и сказано выше, истинное соотношение аскезы и экологии – это не простая их параллель, в которой они, развертываясь в разных пространствах, разных мирах, представляют собой аналоги друг друга. Обожение как богословский и философский принцип есть принцип глобальный, оно говорит не только о судьбе и назначении индивидуального человека, но и о судьбе тварного бытия в целом, Макрокосма. И это значит, что, хотя исихастская аскеза в ее исторических формах осуществляется как антропологическая практика, однако восхождение к обожению, в силу онтологической и глобальной природы последнего, включает в себя и аспекты, что относятся к миру, включает некоторое *космическое измерение*.

Содержание этого измерения очевидно: преобразование человеческого существа, достигаемое в аскезе как антропологической практике, должно получить продолжение и завершение в преобразении мира и тварного бытия в целом. Однако преобразование человека совершается по благодати, совершается божественными энергиями, и преобразование мира может совершаться лишь этими же энергиями. Но их стяжание дано только человеку, и поэтому преобразование мира совершается исключительно через человека: он должен стяжать божественные энергии и, действуя в мире, передавать их в мир. И мы видим, что такой порядок преобразования мира – не что иное как литургический порядок: как в литургии иерей по данной ему харизме совершает священнодействия, в которых собранию верных передаются дары благодати, так для преобразования мира действия человека в мире должны быть священнодействиями, в которых в мир передаются преобразующие его божественные энергии. Подобные действия, в которых человек выступает как иерей по отношению к тварному бытию, и должны составлять космическое измерение аскезы. В них аскеза получает космическое продолжение и завершение, которое может быть осмыслено как *космическая литургия*. – Весь этот ход мысли, выводящий к идее космической литургии, ясно представлен уже у преп. Максима Исповедника, в богословском синтезе которого, по справедливому наблюдению У. фон Бальтазара, «существование осмысливается как литургическое действие»⁵.

Космическая литургия включает в себя и определенный порядок отношений с окружающей средой, определенную экологию. Ее главное отличие – неразрывная связь обычной, эмпирической экологии с экологией духовной, с аскетической практикой и ее принципами. Здесь все позиции человека по отношению к окружающей среде определяются в перспективе аскезы, в русле исихастской духовности. И здесь, в этом русле, открываются новые экологические стратегии и новые возможности преодоления экологического кризиса. Ситуация наших дней все более укрепляет убеждение в том, что истоки и корни кризиса – именно в антропологических и духовных измерениях. «То, что мы называем кризисом окружающей среды, на самом деле есть кризис в человеческом

⁵ H.U. von Balthasar. *Liturgie cosmique*. Maxime Le Confesseur. Paris, 1947. P.16.

сердце», – пишет митрополит Каллист (Уэр). Эти слова современного православного богослова указывают, что путь выхода из кризиса окружающей среды не может быть найден на уровне технологических, экономических или политических мер, он лежит исключительно через преодоление «кризиса в сердце», через сопряжение экологии и аскезы.

На нашей прошлой конференции по Афону мы уже начали разговор об одной из глубинных и важнейших сторон исихастской и Афонской традиции: об их *исцеляющем потенциале*. Мы вспомнили слова афонского подвижника игумена Софрония (Сахарова): «Афон – это большая лечебница», и мы убедились в том, что в наши дни слова эти вполне справедливы по отношению к современному человеку и современному обществу. Мы выяснили, что афонская аскеза – это уникальная школа личности и стратегия социализации. Сейчас же мы убеждаемся, что исцеляющий потенциал Афона может направляться и на другие острые проблемы современного мира. Исихастская духовность несет в себе начала собственного особого отношения к природе, православного экологизма, и, опираясь на эти начала, современный человек может достигать коррекции, оздоровления своих отношений с окружающей средой, может учиться избегать кризисов и катастроф в этих отношениях. Богатый конкретный опыт Афона, в котором исихастский способ жизни, *ho bios hesychastos*, реально обеспечивал экологическую гармонию и равновесие на протяжении многих веков, может служить здесь верным ориентиром. И когда сегодня мы говорим о выходе аскетической традиции в мир, мы можем считать по праву, что этот выход включает в себе и экологическую миссию: помощь секулярному миру, который зашел в тупик в своих отношениях с окружающей средой.